

ОШО

Ш
О

МУЗЫКА
души

Бхагаван Шри Раджниш (Ошо)

Музыка души

Серия «Уроки жизни (Весь)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17533630
Ошо Музыка души.: ИГ «Весь»; СПб; 2016
ISBN 978-5-9573-3072-1

Аннотация

Музыка души, гармонизирующая ваш мир и восприятие того, что происходит вокруг, – это молитвенное состояние. Как его достичь и пребывать в нем, вы узнаете из этой книги. Главное, утверждает Ошо, – молитва не должна быть обязанностью. Она идет от сердца, в свободе. По обязанности, потому что «надо», молитву совершают несвободные люди. Пытались ли вы установить дружеские отношения с кем-либо, не вступив с ним в разговор? Без общения это просто невозможно. Если вы хотите полюбить себя, окружающий мир, деревья, дома – поговорите с ними, благодарите их, и они будут отвечать вам любовью и добротой. В этом и заключается сущность молитвы. Ошо советует напиваться молитвенным состоянием как можно чаще, и тогда день ото дня вы будете становиться радостнее и добрее. *Пусть молитва будет чем-то абсолютно неформальным: чем-то из самого сердца... не ритуалом, – поспешно совершаемым по*

утрам, потому что «так надо». Это не молитва. Молитва – это образ жизни (ОШО).

Ошо

Музыка души

Когда вы ранним утром видите восход солнца, наблюдаете в молчании и внутри вас тоже начинается восход, – это молитва. Когда птица парит в небе, и вы парите в небе. И вы забыли, что вы отдельно, – это молитва.

Везде, где исчезает разделенность, возникает молитва. Когда вы становитесь едины с существованием, с вселенским целым, – это молитва.

Ошо

OSHO

Prayer – The Song of Silence

OSHO является зарегистрированной торговой маркой и используется с разрешения Osho International Foundation. www.osho.com/trademarks

Все права защищены.

Публикуется на основе Соглашения с Osho International Foundation, Bahnhofstr/52, 8001 Zurich, Switzerland, www.osho.com

Что такое молитва? Каково ее точное определение?

Молитва – это переживание воскресения, это возрождение, это рождение нового видения... это новое измерение, это новый взгляд на вещи, это новый образ жизни. Не нечто такое, что ты делаешь; но нечто такое, чем ты *становишься*. Это состояние бытия – не имеющее ничего общего со словами, которые ты произносишь в храме, мечети, церкви. Это безмолвный диалог с существованием.

Это сонастроенность со всеобщим, с целым... войти в гармонию с целым – это молитва. Это опыт великий и безграничный, и никакая *точность* в нем невозможна. Он неопределим; любое определение несоразмерно мало. Любое определение передает какую-то часть, но всего лишь часть. Многое остается недосказанным.

Опыт молитвы настолько всеобъемлющий, что содержит в себе противоречия. Поэтому кто-то может сказать: «Молитва есть молчание» – и будет прав, абсолютно прав. Кто-

то другой может сказать: «Молитва есть диалог» – и тоже быть правым, потому что молитва есть диалог в молчании. На первый взгляд «диалог» и «молчание» противоречат друг другу. В диалоге говорят, в молчании слушают. В диалоге беседуют, в молчании просто пребывают: сказать нечего.

Что можно сказать? Ты можешь склониться в поклоне. Ты можешь праздновать. И все-таки твой поклон, твое служение, твое празднование, твоя благодарность... все это по-прежнему попытки высказать. Ты пытаешься высказать без слов, потому что слова так малы, а сердцу хочется высказать себя так полно. Итак, это диалог, хотя и в молчании. В каком-то смысле это беседа, в которой участвуешь ты и все существование, – существование, которое становится твоей возлюбленной, которое становится твоим «Ты». И все же в молитве нет ни «Я», ни «Ты» – одно и другое исчезает. То и другое сливается воедино, соединяется в одно целое, органическое целое. Как капля росы в океане, ты исчезаешь. Ничто не разделяет тебя и существование. Какой может быть диалог?

Оба определения верны. Те, кто называет молитву диалогом, – как христиане, как иудеи, как индуисты, – правы. Но они говорят лишь о частице величайшего опыта, называемого молитвой. Буддисты говорят, что диалога нет. Джайнизм говорит, что диалога нет, – потому что нет ни «Я», ни «Ты». Лишь абсолютное молчание. Они тоже правы – но правда и то, что подходить к молитве *точно* очень трудно.

Молитва должна оставаться размытой, неуловимой, без четких очертаний. Молитва должна оставаться непостижимой. Ты видишь ее лишь мельком, словно мимолетный проблеск, но не можешь уловить целиком, потрогать руками. Она не сводится к простому определению.

В отличие от науки, религия не может давать определений. Если спросить науку, в науке все точно. Ты спрашиваешь: «Что такое вода?», – и наука говорит: «H₂O». Так просто! Исчерпывающе просто. «H₂O» – и этим все сказано, потому что вода относится к объективному миру. Объект поддается анализу.

Молитва относится к миру субъективности. Это не объект, который поддается анализу. Собственно говоря, молитву нельзя никому показать. Если кто-нибудь станет настаивать: «Что-то я не вижу в тебе никакой молитвы», – ты не сможешь показать ему свою молитву, не сможешь даже доказать ее существования. Молитва похожа на любовь – скорее на любовь, чем на H₂O воды. Любовь столь же неопределима.

Всегда помни: есть вещи, которые под тобой, а есть вещи, которые над тобой. В тех вещах, которые под тобой, возможна точность. Но в тех вещах, которые над тобой, ты не можешь быть точным. Они больше тебя. Если существует молитва, не молитва существует в тебе – наоборот: ты существуешь в молитве. Молитва выше тебя. Ты просто вибрируешь в этом необъятном измерении, в этом сверхизобилии.

Но нас учили, особенно в нынешний век науки, во всем придерживаться точности. И это упорное стремление к точности разрушило много такого, что было в жизни красивого и ценного. Если нечто не поддается точному определению, ум пытается отрицать его существование.

Нельзя точно определить божественность, и ум говорит: «Значит, божественность не может существовать». Нельзя точно определить любовь; тогда ум говорит: «Любовь нам только пригрезилась, не более». Нельзя точно определить красоту; тогда ум говорит: «Красоту мы просто придумали. В ней нет ничего, кроме наших фантазий». Но что же тогда остается? Значит, в мире больше нет красоты, нет любви, нет добра? Значит, мир лишился всякого смысла? Нет, сам мир остался прежним и не лишился смысла; его лишает смысла только ваше доведенное до безумия стремление к точности.

Смысл – явление тонкое. Он как аромат цветка. Его нельзя поймать, потрогать руками, но он существует – сможешь ты его поймать или нет, сможешь ты положить его сейф или нет. Он все равно существует!

Как определить музыку? Если ты начнешь ее определять, она будет разрушена. Тогда останется только организованный набор звуков, не более... Определенного рода шум, организованный таким образом, чтобы он больше не казался шумом. Успокоительный, приятный для слуха шум. Только и всего? Неужели в музыке больше ничего нет? Нет, в музыке есть нечто большее, чем ноты; нечто большее, чем полная

совокупность нот.

Если развивать этот вопрос дальше... тогда что такое поэзия? Только набор слов, расположенных в определенном порядке? Нет. Это нечто такое, что случается, когда слова расположены в определенном порядке, – но большее, чем определенный порядок слов. Это не грамматика, это не язык – это нечто трансцендентальное; нечто, вызываемое к жизни словами. Слова дают повод к тому, чтобы случилась поэзия.

И точно так же – в музыке. Инструменты, ноты, звуки служат к тому, чтобы случилось молчание, – которое и есть музыка. Музыка – между двумя звуками, поэзия – между двумя словами; все, что живо и осмысленно, – между строк... Никогда не в самих строках – всегда *между* строк; нужно учиться читать в промежутках, в просветах, в паузах.

Но все же о молитве можно что-то сказать... – хотя ничего точного сказать нельзя, так что я не могу исполнить твоего желания. Этому препятствует сама природа молитвы, и кощунственно было бы пойти против ее природы.

Итак, первое, что я могу сказать о молитве: это чувство безмерной благодарности, признательности. У тебя есть возможность быть здесь, в этом мире, во всей его красоте, со всеми его деревьями и реками, горами и звездами. В этой поразительной красоте ты живешь, ты пульсируешь жизнью. Ты не заслужил этой возможности. Ты получил ее в дар. Молитва возносит благодарность за этот дар жизни. Просто дышать – это такая радость!... просто открывать глаза – и видеть

зелень листьев!.. – или щебетание птиц, или звуки бегущей воды, или безмолвие ночи в ее бархатной тьме... Или закат, или утренняя заря... мы этого не заслужили! Все это мы получили в дар, но даже не высказали благодарности.

Существует Бог или нет, но мы обязаны благодарностью. Люди думают: «Если Бог есть, мы его поблагодарим». Я же говорю вам прямо противоположное: «Вы найдете Бога, если станете благодарить». Другого пути нет. Вы найдете Бога, если вы станете благодарны, потому что Бог случается лишь в этом измерении благодарности. Вы не смотрите ушами и не слушаете глазами: глаза могут только видеть, уши могут только слышать, – точно так, лишь благодарность может найти Бога, лишь благодарность способна чувствовать Бога.

И второе: молитва – это образ жизни. Это не определенный набор действий, выполняемый как некий утренний ритуал. Если молитва выполняется как ритуал, она теряет всякий смысл. Если молитва выполняется как ритуал, она не принесет тебе религиозности – она сделает тебя индуистом, она сделает тебя мусульманином, но не принесет религиозности. Пусть молитва будет чем-то абсолютно неформальным: чем-то из самого сердца... не ритуалом, – поспешно совершаемым по утрам, потому что «так надо»; потому что тебя так учили; потому что ты исполняешь свой долг. Не совершив ритуал, ты чувствуешь себя немного виноватым; совершив ритуал, ты не получаешь от него ни капли радости. Когда ритуал не совершен, получается только чувство вины.

Чтобы избежать чувства вины, ты совершаешь ритуал. Это не молитва.

Молитва – это образ жизни.

Что я имею в виду? Человек молитвы пребывает в молитве двадцать четыре часа в сутки. Он спит в молитве; сам его сон – своего рода молитва. Во сне он так расслаблен, будто спит на руках у вселенной. Засыпая, он спит в божественности. Просыпаясь, он просыпается в божественности. Он открывает глаза, и первой в его сердце и в его существо входит благодарность, бесконечная благодарность. Он ест божественность, он пьет божественность. Он ступает в божественности. Он дышит в божественности, он дышит божественностью. Все его двадцать четыре часа молитва длится непрерывно. Как фоновая музыка на краю слуха, молитва звучит непрерывно. Что бы он ни делал, неважно: молитва продолжается.

Я не говорю, чтобы ты повторял «Рама, Рама, Рама» или «Алла, Алла, Алла». Повторение ничего не даст. Если ты начнешь повторять «Рам, Рам, Рам», – это нарушит нормальный ход жизни. За рулем – ты не сможешь нормально вести машину, потому что ум будет раздвоен. Ни в какую работу ты не сможешь вкладывать себя полностью. Так что не надо ничего повторять. Слова и повторение тут вообще не при чем; молитва – своего рода чувство, своего рода присутствие. Можешь представить себе спящую мать: ночью она спит, рядом спит ее ребенок... может быть, в сезон дождей,

когда в небе тучи и гремит гром. Ее не разбудят раскаты грома. Но стоит ребенку чуть пошевелиться во сне, заплакать, и она тут же проснется. Гром не мог ее разбудить, но ребенок... Даже во сне некая часть ее существа помнит о ребенке. Так же и молитва.

Ты живешь повседневной жизнью, совершаешь обычные действия, работаешь, но глубоко внутри, в святая святых своего существа, хранишь непрестанный поклон существованию – продолжается молитва, продолжается благодарность. Иногда, в какой-то момент молчания, молитва выйдет на поверхность; в обычное же время она продолжается внутренне, подспудно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.